

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОГРАММ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Представлены некоторые результаты работы по проекту «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества», реализованному в 2010–2011 гг. сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН) совместно с ООО «Этноконсалтинг» под руководством акад. В. А. Тишкова. Основой для ее написания послужили сообщения региональных экспертов Сети этнологического мониторинга ИЭА РАН, информация электронных СМИ, а также материалы полевых исследований автора, проведенных в разные годы в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Освещается опыт работы, накопленный в регионах Российской Федерации в целях поддержки и пропаганды языкового и культурного наследия финно-угорских народов. Установлено, что основной акцент в региональной этноязыковой политике делается на повышении этнической компетентности и этнического самосознания молодежи. В связи с тезисом об особой значимости языка в утверждении этнокультурной идентичности обсуждается актуальная научная проблема соотношения языка / культуры и этнической идентичности. Делается вывод о сложном и неоднозначном характере их взаимовлияния.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, язык, культура, этническая идентичность, этнокультурная ситуация, урбанизация, финно-угорское общественное движение, языковая политика, молодежь, образование.

В последние десятилетия в Российской Федерации сформировался устойчивый интерес к проблемам языка национальных меньшинств и коренных малочисленных народов как одной из важнейших форм нематериального культурного наследия. В 2003 г. на 32-й Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята «Конвенция по вопросам охраны нематериального культурного наследия», являющаяся дополнением к принятой в 1972 г. «Конвенции ЮНЕСКО по вопросам охраны мирового культурного и природного наследия». Конвенцией было предложено следующее рабочее определение нематериального наследия: «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними пред-

меты, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами <...> в качестве части их культурного наследия <...> Нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения поколению, постоянно воссоздается сообществами <...> и формирует у них чувство самобытности и преемственности»¹. На поддержку и сохранение так называемых недоминирующих языков направлены сегодня в различных регионах России усилия многих этнических лидеров, ряда общественных и государственных структур. Однако решение этого вопроса зачастую сталкивается с серьезными трудностями как объективного, так и субъективного характера. В свое время С. Лаллукка, вслед за С. Смирновым, выде-

¹ Конвенция по вопросам охраны нематериального культурного наследия (32-я Генеральная конференция ЮНЕСКО, 2003 г.). URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf> (дата обращения 21.12.2012).

лил девять сфер применения языка: повседневная жизнь, социально-политическая жизнь, официальные каналы общения, средство обучения в школах и высших учебных заведениях, наука, культура, средства массовой информации, межэтническое общение, международное использование [Лаллукка, 1997. С. 206].

В советский период состояние этнических языков было связано с национально-государственным устройством страны. Параметры применения языков в разных сферах организованного общения (количество часов вещания на радио, передач на телевидении, уроков родного языка и т. д.) определялись соответственно их статусу (языки союзных республик, языки автономных республик и языки автономных областей).

Что касается российских финно-угров, то к концу 1980-х гг. их этнические языки, по оценкам специалистов, почти не функционировали в сфере государственного управления и общественно-политической жизни, ограниченно использовались в сферах народного образования, массовой коммуникации, духовной культуры [Воронцов, 2007]. Высказываются определенные сомнения в отношении перспектив финно-угорских литературных языков: «На протяжении предшествующих десятилетий <они> превратились как бы в пережитки прошлого. Несмотря на некоторые перемены в языковой политике постсоветского периода, крайне трудно представить будущее в радужном свете» [Лаллукка, 1997. С. 297].

В числе значимых проблем эксперты выделяют низкий престиж этнических языков, что, в частности, связано с узкой сферой их использования в общественной жизни. Существует мнение, что позиции родного языка в среде финно-угров можно укрепить за счет роста этнического самосознания молодежи, которое в настоящее время находится на низком уровне – это, в свою очередь, способствует возникновению чувства этнического нигилизма. Для решения данной задачи необходимо повышать этническую компетентность молодого поколения путем пропаганды языка и культуры [Зайц, 2010]. Опыту работы в этом направлении, накопленному в некоторых регионах Российской Федерации, посвящено дальнейшее изложение, которое целесообразно предварить несколькими общими замечаниями.

Из финно-угорских народов на территории России живут (чел.): мордва (843 350), удмурты (636 906), марийцы (604 298), коми-зыряне (293 406), коми-пермяки (125 235), карелы (93 344), вепсы (8 240), ханты (28 678), манси (11 432), саамы (1 991), ижора (327), водь (73), а также финны, венгры, эстонцы². Общая численность финно-угорских народов в РФ по переписи 2002 г. равнялась 2,7 млн чел. (1,9 % от общей численности населения страны). По переписи 1989 г. она составляла 3,2 млн чел. (2,2 %).

Для ряда финно-угорских народов исторически судьбоносным стало создание после октября 1917 г. автономных государственных образований. С этого времени началось несовпадение этнической истории народов и истории «национального» края. На протяжении XX в. титульные автономные образования стали составной частью этнического самосознания финно-угорских народов [Загребин, Никитина, 2010].

В настоящее время мордва, марийцы, удмурты, коми-зыряне, карелы имеют свои национально-государственные образования в форме республик. Коми-пермяки проживают на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края, ханты и манси – в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре Тюменской области. Вепсы живут в Карелии, на северо-востоке Ленинградской и в северо-западной части Вологодской областей, саамы – в Мурманской области, в Санкт-Петербурге, Архангельской области и Карелии, ижора – в Ленинградской области, в Санкт-Петербурге, Карелии, водь – в Ленинградской области, в Москве и Санкт-Петербурге.

Для этнокультурного и языкового единства того или иного народа важное значение имеют такие факторы, как компактность расселения и удельный вес в национально-административных образованиях. Последний показатель по данным переписи 2002 г. варьирует от 59,0 (коми-пермяки) до 0,7 % (манси). У марийцев он равен 42,9, у мордвы – 31,9, у удмуртов – 29,3, у коми – 25,2, у карелов – 9,2, у хантов – 1,2 % [Финно-угорские народы..., 2005. С. 18]. Как видно, ареалы распространения финно-угорских языков не совпадают с политико-

² Численность указана по переписи 2002 г.

административными границами. Большинство российских финно-угорских народов проживает в этнически смешанной среде, где они составляют меньшинство.

Более половины (52 %) численности населения финно-угорских народов проживают в сельской местности. До начала 1990-х гг. существовала тенденция повышения абсолютной численности и доли горожан в составе крупнейших финно-угорских народов России. Перепись 2002 г. зафиксировала изменение этой тенденции. Высокий уровень урбанизации (более 50 % городских жителей) характерен для карелов, мордвы и манси.

Среди финно-угорских народов процент лиц, считающих родным языком (т. е. совпадающим с названием группы) язык своего народа, постоянно снижается. В среде восточно-финских народов в 1989 г. он варьировал в пределах от 67 (мордва) до 80,8 % (марийцы). В Карелии к концу 1980-х гг. национальность и родной язык совпадали у 51,5 % карел, 40,8 % финнов и 37,5 % вепсов. Абсолютное большинство младшего поколения прибалтийско-финских народов республики (до 10 лет) родным языком считали русский [Клементьев, 2004]. Статистика указывает на очевидное смещение языковых предпочтений в сторону русского языка, при этом наименьший уровень языковой компетенции выявляется у молодежи. По наблюдениям региональных экспертов, полиэтническая структура населения регионов (в том числе за счет все более возрастающего количества межэтнических браков) превратилась в важный фактор социально-культурной и языковой ассимиляции этнических групп. «Национально-русское двуязычие, ставшее характерной чертой большинства коренных финно-угорских народов, последовательно замещалось одним языком – русским» [Там же].

С конца 1980-х гг. в среде финно-угорских народов стали возникать общественные организации и национально-культурные общества с целью защиты и возрождения родных языков и культур («Марий Ушем», «Удмурт Кенеш», «Масторава», «Коми котыр», «Спасение Югры» и др.). Благодаря общественно-политической либерализации в стране, при патронаже со стороны первых лиц Эстонии, Финляндии и Венгрии, с начала 1990-х гг. это движение приобрело новую доминанту – установились прямые и непо-

средственные связи между организациями, автономиями и странами.

Одним из первых международных мероприятий стала встреча финно-угорских писателей в 1989 г. в г. Йошкар-Ола, где было объявлено о создании Ассоциации финно-угорских писателей. В 1991 г. в финском г. Эспоо близ Хельсинки силами Союза писателей Финляндии и Общества им. А. М. Кастрена была организована конференция литераторов, объединенная темой «Родной язык – моя родина». С тех пор финно-угорские писатели мира проводят регулярные встречи в столицах различных финно-угорских регионов, выпускают информационные бюллетени, занимаются переводческой деятельностью и изданием избранных произведений, как на своих языках, так и на русском [Цыпанов, 2002]

Знаковыми событиями общественной жизни стали Первый съезд финно-угорских народов Российской Федерации, состоявшийся в мае 1992 г. в столице Удмуртии г. Ижевск, и Первый всемирный конгресс финно-угорских народов, который был проведен в декабре 1992 г. в столице Республики Коми г. Сыктывкар. Они заложили основы для дальнейшей кооперации: была принята Декларация об основных принципах, целях и задачах сотрудничества финно-угорских народов мира, обращение к Парламентам и Правительствам РФ и финно-угорских республик, входящих в ее состав.

Всемирный конгресс финно-угорских народов стимулировал установление прямых связей между различными регионами, результатом чего стало проведение множества мероприятий: конференций, встреч представителей творческой интеллигенции, спортивных состязаний, курсов по изучению языков и т. д. Со временем сотрудничество приобрело разноплановый характер, охватив сферы литературы и театра, науки, журналистики и пр. Каждая из республик нашла свою нишу в финно-угорском движении. По мнению министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл М. З. Васютина: «Марий Эл, как правило, выступает в качестве инициатора идей. Самым масштабным воплощением идей может похвастаться Мордовия. В Удмуртии главное – это молодежные проекты. Коми является признанным авторитетом в информационно-технологическом структурировании» [Финноугория, 2008б].

Одним из значимых результатов Первого всемирного конгресса стало создание в 1993 г. Консультативного комитета финно-угорских народов (ККФУН). Спустя 16 лет его неизменный председатель В. П. Марков в интервью корреспонденту журнала «Финноугория. Этнический комфорт» так оценил результаты общественного движения финно-угров: «Тот конструктивизм, который был привнесен в деятельность национальных организаций внутри российских регионов, позволил им сделать очень много полезного. Были приняты законы о языках, а также другие региональные законодательные акты в поддержку развития народов. В первую очередь, это касается коренных малочисленных народов, для которых действительно требуются специфические законы и программы. Иначе их мы просто потеряем. Появились региональные программы в самых разных направлениях. Все это позволило безболезненно вернуть в школы языки финно-угорских народов на территории их компактного проживания и обратить внимание федеральных властей на наши народы. В других странах были приняты программы поддержки финно-угорских народов России. Это и обучение студентов, и обмен специалистами, поддержка издательской деятельности, подготовка специалистов национальных СМИ, совместная деятельность музеев и библиотек и многое другое» [Финноугория. 2008а].

Последующие конгрессы были проведены в Будапеште (1996 г.), Хельсинки (2000 г.), Таллине (2004 г.). Последний – V Всемирный конгресс финно-угорских народов, состоялся в 2008 г. в Ханты-Мансийске. «Идентичность и изменяющийся мир» – так была определена главная тема этого форума. Его участники подтвердили в качестве одной из важнейших своих задач сохранение и развитие финно-угорских и самодийских народов и их культур как части достояния всего человечества. Основным инструментом сохранения этнокультурной самобытности выступавшие называли язык. И тут же перечисляли связанные с этим проблемы. Самый грустный пример привел в своем выступлении представитель саамов. Он рассказал об одной из своих соотечественниц, которая разговаривала на исчезнувшем уже диалекте саамского языка. Женщина была старая, а собеседников у нее не было. Единственной слушательницей саамки была ко-

рова, к которой она и адресовала никому не понятные слова [Финноугория, 2008б].

Особый акцент на сохранении языка как главного инструмента в определении идентичности любого народа был сделан в выступлениях присутствующих на конгрессе лидеров государств. Д. А. Медведев напомнил об уникальном российском опыте – мирном сосуществовании на территории страны 160 разных народов³. Новые формы сохранения и развития языков предложила Финляндия. Президент Суоми Тарья Халонен поделилась опытом, родившимся в Новой Зеландии и взятым на вооружение в Финляндии. Это метод так называемых «языковых гнезд» – создания специализированных детских садов, в которых дети с первых лет жизни погружались бы в среду родного языка. Президент Венгрии Ласло Шойом тоже не обошел тему сохранения языков – он предложил создать в Будапеште «Collegium Fenno-Ugricum» – институт, в котором бы изучались родственные языки и готовились специалисты.

В вопросах поддержки этноязыкового наследия большая ставка делается сегодня на современные технологии. Эта идея нашла, в частности, отражение в одном из интервью бывшего директора Института России и Восточной Европы (Финляндия) С. Лаллукка. В нем он отмечает, что хотя текущие социально-политические процессы мало благоприятствуют сохранению языка, уклада и традиций финно-угорских народов, однако можно «уповать на возможности, которые открывают... современные технологии... Именно благодаря глобализации возникают новые инструменты, позволяющие преодолевать препятствия. Например, кто думал, что можно будет с легкостью создавать Википедию на национальном языке, как это делают сейчас марийские энтузиасты, заниматься современной аранжировкой этнической музыки, создавать интерактивные проекты? Интернет позволит развить язык и самобытность наших народов» [Лаллукка, 2009].

«Конечно, глобализация – это каток, от которого никто не увернется. Но нам,

³ Сейчас российские финно-угры выпускают на своих языках около ста периодических изданий, созданы финно-угорские культурные центры: в Сыктывкаре – федеральный и в Саранске – поволжский.

небольшим народам, особенно нужно задуматься о том, как вписаться в ход этого катка. Если мы не будем гибкими, то нас раздавят и даже не заметят этого. А если мы сможем найти свой путь в глобализационном процессе, мы сохраним культуру и язык», – считает заместитель Главы Правительства Республики Марий Эл, министр культуры, печати и по делам национальностей М. З. Васютин [Финноугория, 2008б. С. 10–11]. О том, что делается в этой республике для развития и пропаганды марийского языка, он рассказал корреспонденту журнала «Финноугория. Этнический комфорт». В частности, основной задачей видится «представление марийского языка в рамках интересов молодежи, живущей в современном индустриальном обществе». Говоря о практическом воплощении этой установки, М. З. Васютин подчеркнул роль мероприятий музыкально-развлекательной направленности: исполнение марийской музыки во всех стилях (техно, рок, джаз); создание интернет-сайтов и приложения для скачивания этнических мелодий на мобильные телефоны; организация этнодискотек, печать компакт-дисков с марийской эстрадой; проведение КВН, «Ледовых шоу» и пр. на марийском языке и под марийскую музыку; создание телевизионной рекламы. Главная цель данных действий, как подчеркивает высокопоставленный чиновник, – «расширять области применения языка, чтобы рос стимул к его изучению... работать с “группой риска” подросткового возраста и молодежи, с теми, у кого интерес к родному языку еще не стал потребностью и может пропасть. <...> Если марийская речь будет постоянно звучать по радио, телевидению, использоваться в Интернете, то риск забыть родной язык сведется к минимуму [Там же. С. 34–36].

Примерно такая же стратегия языковой политики была принята в Удмуртии. «Городское пространство для финно-угорских народов не является традиционно родной территорией. Это известно всем. Но весь мир сегодня урбанизирован, он развивается, к счастью или к несчастью, не по законам традиционного общества. Именно поэтому необходимо сегодня выстроить систему отношений, внешних маркеров, прежде всего, в городской среде, для того, чтобы молодым людям, нашему будущему, было комфортно одновременно быть и современным челове-

ком, и удмуртом. Это наша стратегия, большую часть деятельности мы выстраиваем сегодня в этом направлении», – говорит первый заместитель министра национальной политики Республика Удмуртия Л. Н. Буранова. Она поделилась оригинальными методами повышения интереса к этнической культуре у молодого поколения региона: «Надо веселее относиться к языку, “хулиганить” над ним, тогда это привлечет молодежь» [Там же. С. 36]. В качестве примера заместитель министра привела самодеятельный коллектив бабушек из деревни Бураново, которые начали петь на удмуртском языке песни группы «Кино». Тексты Виктора Цоя перевела с русского языка одна из участниц коллектива после того, как услышала их в исполнении своего внука. И хотя многие из участниц хора «Бурановские бабушки» уже перешагнули 70-летний возраст, их ансамбль является весьма популярным среди молодежи Удмуртии [Там же. С. 37].

Среди других методов и направлений работы по пропаганде удмуртского языка и культуры среди молодежи отмечены «появление удмуртского языка в городском пространстве» (неоновые вывески, рекламные щиты, приветствия пассажиров в транспорте), молодежные проекты (международный день родного языка, музыкальные клубы и этнические вечера, ламинированные вкладыши в паспорта с именами на удмуртском языке, группы на сайте vkontakte.ru «Удмуртлык»), мода и стиль (одежда, костюмы, показы и концерты совместно со звездами эстрады, театра и кино российского масштаба). Подводя итог своей деятельности, Л. Н. Буранова сказала, «что говорить на удмуртском языке, использовать этнические элементы в одежде становится у ребят модно. Это как бы подростковый “понт”: вы видите – я могу, я отличаюсь от вас! И это здорово, мы этого и добиваемся» [Там же. С. 54–56].

В Республике Коми внимание общественности привлекла своими игровыми и программными новинками небольшая компания «Мультимедиа проект». «Я сам русский по национальности, но к разработке игр и приложений на коми языке обратился потому, что считаю необходимым в современных условиях популяризировать родной язык посредством новейших информационных технологий, – говорит руководитель

компания Станислав Пасынков. – Не секрет, что приехавшие из деревень на учебу в большой город молодые парни и девушки часто стесняются говорить на коми языке, так как боятся, что окружающие будут ассоциировать владение родным языком с принадлежностью к “отсталой” социальной среде. В результате национальный язык буквально исчезает из городов. Наша компания пропагандирует коми язык посредством новых технологий, в увлекательной и удобной для молодежи форме» [Финноугория, 2009. С. 47].

Первым проектом по популяризации языка стал выпуск CD-диска «Игры с Кикурллю». Следующий шаг – создание совместно с Национальным музеем Республики Коми диска «Коми народный костюм». Эти разработки заметили в региональном Министерстве национальной политики, и теперь фирма занимается различными компьютерными проектами и программными приложениями, предназначенными для популяризации коми языка. Среди продукции компании – диск-самоучитель «Коми кыв», компьютерный квест «Ош Микул и дневник колдуна», интерфейс которого выполнен на 2 языках: коми и русском, и др. «Сейчас самый серьезный проект нашей фирмы, – рассказывает С. Пасынков, – создание разговорника с использованием мобильных средств связи и глобальной сети Интернет. В июле 2009 г. в Сыктывкаре мы представили мобильное приложение “Коми-русский и русско-коми словарь-разговорник для сотовых телефонов”⁴. Сегодня в базе более 1 130 слов и выражений на коми языке <...> В дальнейшем эту разработку планируется превратить в мультязычный онлайн-разговорник на всех финно-угорских языках» [Там же. С. 47].

Своеобразной площадкой для обмена опытом и поиска новых форм взаимодействия финно-угорских народов стал II Межрегиональный форум «Финно-угорский этнокультурный проект», прошедший в 2010 г. в г. Йошкар-Ола. Примечательно, что большая часть представленных там разработок преследовала цели сохранения и развития этнических языков и литератур. По словам С. Федоровой, куратора одной из секций

прошедшего форума, только в секции «Национального образования» рассматривались 23 проекта, направленных на популяризацию коренных языков. Наибольший интерес у представителей делегаций регионов России вызвал проект МарГУ «Летняя школа марийского языка», в рамках которого предполагается на базе либо школы, либо загородного лагеря организовать образовательные курсы для всех желающих [Тихомиров, Киселев, 2010. С. 10].

Подобный опыт работы уже много лет существует в Ханты-Мансийском округе – Югре. Имеющиеся полевые материалы позволяют охарактеризовать этноязыковую ситуацию в этом округе более подробно.

В деле сохранения этнокультурного наследия проживающих в ХМАО коренных малочисленных народов большая роль принадлежит общественному движению, оформившемуся в 1989 г. в окружную ассоциацию «Спасение Югры». По инициативе лидеров этого движения проведено множество мероприятий в защиту языка и культуры хантов и манси [Кошелева, 2003]. Во многом благодаря деятельности этнической политической элиты ХМАО лидирует среди субъектов РФ по числу законодательных инициатив и распорядительных актов, касающихся аборигенов. В числе прочих в округе действуют законы о языке и фольклоре коренных малочисленных народов Севера. В 2008 г. вышло Постановление Правительства округа «О грантах ХМАО – Югры для поддержки проектов, способствующих сохранению, развитию, популяризации фольклора, традиций, языка, промыслов коренных малочисленных народов Севера».

Важным фактором общественного развития ХМАО стала активизация научной деятельности представителей народов Севера. В самом начале 1990-х гг. в округе был создан Институт социально-экономического и национального возрождения обско-угорских народов (ныне – Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок). Исследователи-северяне взяли на себя задачу публикации трудов, освещающих этническую культуру и жизненно важные проблемы адаптации коренных народов к новым социально-экономическим и политическим условиям. Итоги этой деятельности вылились в большой объем публикаций. Появились серийные издания («Народы

⁴ С проектом можно познакомиться по адресу www.komislovo.ru.

Северо-Западной Сибири», «Вестник угроведения», «Материалы Югорских чтений»), представляющие «взгляд изнутри» аборигенной культуры.

В настоящее время в округе придается большое значение работе с детьми и молодежью. В 1995 г. с целью «возрождения, сохранения и развития культуры обских угров, сохранения самобытного образа жизни, продолжения жизненного пути предков» была создана молодежная организация обско-угорских народов (МООУН). При помощи Комитета по молодежной политике проведены семинары молодых художников, молодых поэтов, писателей и фольклористов, семинар по декоративно-прикладному искусству, окружная смена детского этнографического лагеря «Аран-тур», первый окружной форум финно-угорской молодежи.

Особо значимы для округа, как и для России в целом, вопросы воспитания и образования детей с учетом этнических особенностей. В настоящее время обучение ведется, как правило, по общегосударственным школьным программам, не адаптированным к этническим запросам северян. При участии Ассамблеи коренных малочисленных народов Севера в ХМАО уже несколько лет идет работа над законопроектом «О стойбищных школах». Однако эта проблема все еще далека от разрешения. Существует мнение представителей аборигенных народов: «Люди коренных национальностей должны быть максимально адаптированы к современным условиям, но не должны быть изгоями и в традиционной среде. А именно к этому приводит обучение в интернатах <...> Школа-интернат – это не настоящая жизнь. Это так же страшно, как если бы детей из города увозили, изолировали от семьи, и раз в год привозили к родителям и говорили – вот ваш ребенок. Поэтому мы считаем, что здесь необходимо создание комплексной программы развития стойбищных школ. На стойбищах, в национальных поселениях, независимо от того, сколько там – пять, десять детей, но они должны учиться в традиционной среде» [Противоречивая задача..., 2010. С. 3]. Этому противостоит официальное утверждение: «Родители стали современными, они хотят, чтобы дети получали качественное и профессиональное образование» [Там же].

Преподавание хантыйского и мансийского языков ведется в Ханты-Мансийском

технологического педагогического колледже (преемник традиций созданного еще в 1930-е гг. Ханты-Мансийского педагогического колледжа), а также в образованном в 2001 г. Югорском государственном университете. В округе издаются газеты «Ханты ясанг» (на хантыйском языке) и «Луима сэрипос» (на мансийском языке). Развита система кружковой работы, клубных заседаний по языку и культуре обских угров. Однако в связи с тем, что этнические языки почти не востребованы в современной социальной среде, они все больше рассматриваются сегодня лишь «как средство фиксации и хранения накопленных народом достижений традиционной культуры» [Там же. С. 3–4].

Творческие навыки, приобретенные когда-то в семье от родителей, народные мастера передают молодому поколению, в основном в рамках этноориентированных учреждений, различных программ и мероприятий. Проводятся творческие лаборатории, мастер-классы по декоративно-прикладному, музыкально-танцевальному искусству коренных малочисленных народов Севера. Так, в Березовском, Кондинском, Нефтеюганском, Сургутском районах работают «Школа ремесел» и «Фольклорная школа», в Березовском районе – творческая лаборатория «Шешкинские чтения». Дети и молодежь приобщаются к культурному наследию своих предков в ходе конкурсов и фестивалей по родному языку, культуре и фольклору: «Краеведение через сказку» (Березовский, Нефтеюганский, Сургутский районы), «Конкурс народных игр» (г. Ханты-Мансийск) и др. Новым способом получения этноинформации стали детские и молодежные экспедиции – этнографические, диалектологические, фольклорные, а также языковые курсы в этнической среде.

Своеобразной формой приобщения подрастающего поколения к этнической культуре и «погружения в языковую среду» стали «Этнические стойбища», совмещающие летний отдых детей с познавательной деятельностью. Первый такой центр «Мань Ускве» («Маленький городок») был организован в 1994 г. на территории Березовского района по инициативе ассоциации «Спасение Югры», Березовского научного фольклорного фонда манси и этнографического центра «Саранпауль» для «укоренения детей в родной культуре и знакомства с культурами родственных финно-угорских народов».

Опыт его работы был принят за основу при создании других аналогичных центров, в числе которых – этнокультурное стойбище «Нумсанг ёх» («Мыслящие люди»), что в 12 км от с. Казым Белоярского района⁵. По традиции утро там начинается с проверки сетей, а завершает день костер, названный «легендарным» (вокруг него рассказывают легенды, мифы, сказки). Своими знаниями и практическим опытом делятся с детьми мастера традиционных промыслов, а также приглашенные этнографы, фольклористы, искусствоведы. В Ханты-Мансийске одной из «точек роста» стала детская творческая студия «Лылынг союм» («Живой ручеек»). Элементом современной культуры ХМАО – Югры стали «Виртуальные стойбища». В 2005 г. при поддержке гранта губернатора, в основном усилиями самих представителей коренных народов Севера, был создан интернет-проект «Etnic.ru». Он, в частности, знакомит широкую аудиторию с особенностями культуры аборигенных народов округа, предлагает программы виртуальных этнопутешествий, проводит направленные на популяризацию этнической культуры конкурсы. Есть в ХМАО и «Мобильное стойбище», которое может развернуть на различных фестивальных площадках четыре модуля (чума) – «фольклорный», «игровой», «мастерской» и «северная кухня». В каждом из этих чумов посетителям предлагаются выставки и демонстрация элементов традиционной культуры. Такое «стойбище» – частый гость ВВЦ в Москве, а летом 2006 г. оно «кочевало» в Пермском крае в рамках фестиваля «Kamwa» (этнофутуристическое движение, облекающее традиционную культуру в новые современные формы).

Становится очевидным, что в последние годы отношение к этнокультурному наследию в финно-угорских республиках РФ стало заметно меняться. От привычных представлений о нем как об устаревшей и уходя-

щей в историю сфере человеческого существования происходит переход к осознанному погружению в нее и попыткам понять, перенять и актуализировать те ценности, которые еще хранит в себе традиционная культура. Этнокультурное наследие стало осознаваться как важный ресурс общества, с необходимым условием сохранения и поиска современных форм работы с ним⁶. Именно поиск новых, актуальных форм работы с наследием, с глубинными пластами традиционной этнической культуры был положен в основу движения финно-угорских этнофутуристов, начавших на рубеже 1980–1990-х гг. активную работу по позиционированию своих культур в мировом культурном контексте⁷.

Движение сформировалось в период возрождения национальной независимости Эстонии. В манифесте «Этнофутуризм: образ мышления и альтернатива на будущее» его смысл толкуется подкупающе просто: «футу» – выживание в будущем обеспечивается самостью культуры. Только это качество является основой национальной идентичности и обеспечивает «этносу» выживание [Розенберг, Плеханова, 2005. С. 282]. Движение заявляет о себе как о способе выживания родственных народов, рассеянных на значительном пространстве. «Способом, объединяющим финно-угров, предложено было избрать Интернет – в Сети нет централизации, доминирования, идеологического контроля. Среда Сети – по мысли авторов манифеста, вполне подходит для рассеянно живущих лесных народов. Это хороший способ остаться самими собой, войдя, вместе с тем, в мир современной культуры» [Там же. С. 283].

Этнофутуризм, по словам участников движения, «это искра, возникающая внутри культуры при соприкосновении двух полюсов ее сущности. Этими полюсами являются, с одной стороны, наиболее присущие и наиболее свойственные народу представления, с другой – самые новые, самые модернистские проявления мировой культуры. Возникшая искра способна естественным образом оживить культуру <...> Периоди-

ческое обновление национальной идеологии

⁵ Сегодня в округе существует 14 детских этнооздоровительных центров и 7 этнооздоровительных площадок. Работа, которая предусматривает совмещение отдыха и оздоровительных процедур с приобретением знаний в области этнической культуры народов Севера, осуществляется в рамках реализации различных окружных программ (они адресованы в основном детям и подросткам из малообеспеченных, многодетных, неполных семей, сиротам).

⁶ Шаг за шагом. URL: <http://emmi.blog.ru/> (дата обращения 12.11.2012).

⁷ Там же.

свойственно каждой живой культуре так же, как змее для выживания необходимо менять кожу»⁸.

Удмуртский поэт Виктор Шибанов приводит свое не менее образное определение: этнофутуризм – «как птица о двух крыльях. “Этно” – значит, связь с национально-самобытным, этнически-мифологическим, “футуризм” – значит, поиск себе места в современном постмодернистском мироустройстве, стремлении быть конкурентоспособным. Другими словами, попытка бороться за свое будущее. Если у этой птицы одно крыло – патриархальная деревня, то другое крыло – индивидуальный город. Если первое – это фольклор и мифы, то тогда второе – культура модернизма и постмодернизма. Если одно крыло – прошлое, то другое – будущее»⁹.

Этнофутуризм как течение (в искусстве), пройдя ряд организационных трансформаций, в настоящее время объединяет ряд известных писателей, ученых, художников, музыкантов разных стран. Весьма разноликий в стилевом проявлении, он, тем не менее, последователен в отстаивании значимости этнических языков для становления личностного самосознания. Российские реалии данного направления – ежегодные этнофутуристические выставки-фестивали в Ижевске Удмуртской республики [Розенберг, Плеханова, 2005. С. 282]. Своеобразной «визитной карточкой» Пермской земли стал ориентированный на актуализацию этнической культуры этнофутуристический фестиваль «Kamwa».

Современность ставит на повестку дня проблему ответственного отношения молодежи к своему этнокультурному наследию. Какой видят свою культуру в будущем молодые активисты финно-угорского движения, попыталась выяснить рабочая группа «Муш», которая провела в феврале 2011 г. в рамках Школы молодых финно-угорских

лидеров проективную игру с элементами

форсайта «Финно-угры России в 2030 году». Основной целью форсайт-исследования было выявление стратегических приоритетных направлений финно-угорского движения. Главный психологический эффект форсайта – привитие чувства жизни в будущем и стремления достичь его, начиная разрабатывать эффективные инструменты его достижения уже сейчас. По мнению организаторов, «финно-угорскому движению остро недостает строгой рефлексии своего положения и определения пакета ключевых стратегических направлений, которыми нужно заниматься в первую очередь». Участникам, распределившимся по группам, было предложено сформулировать желаемое видение будущего к 2030 г. – каким они хотят видеть свой народ, свой регион, Россию в 2030 г.

Оставив в стороне разного рода политические моменты, ограничимся статусными аспектами языка и культуры, на которых сконцентрировало свое внимание большинство участвовавших в игре групп. «Критически важно для большей части участников повсеместное двуязычие в финно-угорских регионах и расширение сфер использования своих родных языков. В 2030 году, по желанию участников Школы, финно-угорские языки становятся не только языками СМИ, но и языками делопроизводства, рекламы, повсеместного школьного и высшего образования. Многие участники в своем видении будущего задавали обязательность изучения местного уральского языка всеми жителями данного региона и высокий уровень знания этого языка иноязычными гражданами»¹⁰.

Менее проработанными в образах будущего были вопросы социально-экономического положения российских финно-угров. Согласно итоговому документу форсайт-исследования, к 2030 г. регионы должны обзавестись новыми дорогами, аэропортами, «инновационным производством, работа на котором полностью ведется на удмуртском языке», «инновационным удмуртскоязычным университетом», системой альтернативной энергетики... и экологически чистых продуктов питания, национальными развле-

⁸ *Пярл-Лыхмус Маарья, Юлле Каукси, Хейнануу Андрес, Кивисильдник Свен.* Этнофутуризм: образ мышления и альтернатива на будущее // Etnofutu. URL: <http://www.suri.ee/etnofutu/texts/obraz.html> (дата обращения 15.10.2012).

⁹ *Шибанов В. Л.* Удмуртский этнофутуризм. // Литературная Россия. Архив: № 14. 06.04.2001. URL: <http://www.litrossia.ru/archive/34/culture/799.php> (дата обращения 12.11.2012).

¹⁰ Суомиинь-угрань форсайтсь. Финно-угры России в 2030 году // Uralistica. The world of finno-ugric and Samoyed Peoples. URL: <http://uralistica.com/profiles/blogs/suominugran-forsajts-finnougru> (дата обращения 12.11.2012).

кательными центрами и элитными микрорайонами «Кудо»; по предложению делегации из Мордовии, в будущем должен быть создан центр «Дiasпора», консолидирующий мокшан и эрзян, проживающих за пределами республики¹¹.

Проанализировав разработанные участниками образы будущего, организаторы мероприятия пришли к выводу, что в 20-летней перспективе финно-угорская молодежь мечтает о реализации, по большому счету, «вчерашних» устремлений. «Пока молодым финно-угорским активистам более привычно рассматривать свои народы в контексте традиционной культуры, древних костюмов и средневековых ремесёл, а не глобальных проблем современности и высоких технологий. <...> Будущим финно-угорским лидерам предстоит изобрести способы модернизации уральских народов, переориентации их с традиционной на инновационную культуру»¹². Но, вероятно, именно в такой позиции финно-угорской молодежи как залог устойчивости их языка и культуры.

В связи с тем, что в последнее время на разных уровнях подчеркивается особая значимость языка в утверждении этнокультурной идентичности отдельного человека и этнической общности в целом, остановимся в заключение на вопросе о соотношении этих понятий. Как представляется, термин «идентичность» имеет, прежде всего, психологическое значение восприятия каждым индивидом самого себя, т. е. его собственное осознание своего существования как личности в отношении других индивидов, вместе с которыми он формирует социальную группу. Производный от слова «культура» термин «культурный (ая)» воспринимается обычно как общее наследие индивида и социальных групп, к которым он принадлежит. Культурная (в том числе языковая) идентичность часто сводится к идентичности этнической, когда культура закрепляется за определенным «этническим носителем». Однако сведение культурной идентичности к этнической не правомерно, последняя имеет более узкое значение. Она действительно соотносится с историей или

общим происхождением, символически представленным общим наследием, но в то же время является лишь фрагментом культуры этнической группы [Межкультурное образование..., 1995. С. 81]. Один из парадоксов этничности состоит в том, что многие этнические группы устойчивы во времени, несмотря на порой радикальную трансформацию их культуры. Это позволяет предположить, что различные культурные атрибуты (этнический язык, религия и т. д.) варьируются по своей значимости, конструируются и реконструируются и даже могут быть отброшены этнической общностью в зависимости от ее ситуативных нужд.

Родной язык практически всегда (за редким исключением) имеет большую значимость как элемент и инструмент этнической самоидентификации. Однако он служит не только (и не столько) объективным критерием, на основе которого проводятся границы между этническими группами (такой принцип не пригоден для практического применения в современных многоязычных обществах, когда индивиды и целые народы владеют разными языками и используют их в зависимости от ситуационного контекста). Для этнической идентификации язык имеет зачастую символическое значение, как субъективное представление, идея, на основе которой индивид ассоциирует себя с этнической, языковой группой. «Проявления этнического самосознания, – пишет Е. О. Хабенская, как правило, не укладываются в рационально-логические схемы. Повышенная эмоциональность и иррациональность восприятия языка “своего” народа свидетельствуют о том, что последний является существенным фактором, формирующим этническое самосознание, каналом его трансляции и выражения. <При этом> эмоциональная окрашенность его восприятия и, тем более, превращение языка в этнический фетиш имеют место только в “кризисных” для этнической группы или конкретного индивида условиях, связанных со страхом перед ассимиляцией, угрозой исчезновения (утраты) “этнических ценностей” – атрибутов этнической идентичности» [2004]. Именно о таком отношении к языку свидетельствует множество высказываний активистов финно-угорского движения: «Положение языков – следовательно, этносов,

¹¹ Суоми-угрань форсайтс. Финно-угры России в 2030 году.

¹² Там же.

катастрофическое»; «В настоящее время вопрос стоит очень остро: если не будет языка – не будет и народа»; и др.

Говоря о культурной идентичности человека, нужно иметь в виду его «универсальную» идентичность, включающую множество отдельных идентичностей и различного рода культурных отождествлений [Межкультурное образование..., 1995. С. 80–81]. Сегодня каждый человек находится в центре огромного числа связей и влияний, которые ассоциируются с трудовой деятельностью и отдыхом, культурными потребностями, социальным положением и семейными устоями, домашним бытом и т. д. Необходимо изучать и поддерживать пути восприятия друг друга вместе с многообразием культур каждого индивида, участвующего в жизни общества, которое само мультикультурно. Такой подход представляется чрезвычайно важным в период активизации политических движений, которые призывают к строгой идентификации, к отторжению других групп и индивидуумов. Любая идентификация, задуманная в виде единой и все исключаящей формы, независимо от того, относится она к индивиду или группе, является ошибочной и опасной [Межкультурное образование..., 1995. С. 25].

Разумеется, каждому сообществу присущи специфические проблемы и цели, которые оно не может успешно решать без применения собственных инструментов культуры (средства информации на языке, музеи, театры, клубы и т. д.). В то же самое время не может быть общения без открытости, без интеркультурного мышления. Сам по себе доступ к культурным источникам не будет достаточным, если он ограничится монолингвистическим и монокультурным подходом с сегрегативными и дискриминационными устремлениями [Там же. С. 175]. Общенациональной же идеей должна стать формула «единства в многообразии» как фундамент многоэтнического общества и внутренней политики культурного плюрализма [Тишков, 2001. С. 43].

Список литературы

Воронцов В. С. От принятия Закона о языках к его реализации // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего

предупреждения конфликтов. 2007. № 71. С. 3–11.

Загребин А. Е., Никитина Г. А. Финно-угорские народы России в социальных трансформациях XX века: опыт и проблемы адаптации // *Uralistics from Hungary. Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum (Piliscsaba 9–14. VIII. 2010). Pars I. Piliscsaba, 2010. P. 41–42.*

Зайц Г. Актуальные вопросы развития мордовских литературных языков // *Uralistics from Hungary. Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum (Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010). Pars I. Piliscsaba, 2010. P. 34–35.*

Клементьев Е. О «Программе поддержки карельского, вепсского, финского языков» // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2004. № 57. С. 15–19.

Кошелева Е. Ю. Этнические движения коренных малочисленных народов Севера на рубеже XX–XXI веков (Западно-Сибирский регион): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2003. 41 с.

Лаллукка С. Восточно-финские народы России. СПб.: Европейский Дом, 1997. 390 с.

Лаллукка С. Сохранение национальной культуры – за энтузиастами // Финноугория. Этнический комфорт. 2009. Вып. 2. С. 15–26.

Межкультурное образование: подход Совета Европы. М.: ИНПО, 1995. 181 с.

Противоречивая задача «Спасения Югры» // Регион-86. Журнал государственного муниципального управления Югры. 2010. № 3 (13). С. 3–4.

Розенберг Н. А., Плеханова Е. О. Этнофутуризм и этническая идентификация в искусстве России конца XIX – начала XXI века // Современные трансформации российской культуры. М.: Наука, 2005. 751 с.

Тихомиров В. П., Киселев А. С. Финно-угорский этнокультурный проект // Московский комсомолец в Марий Эл. 2010. № 19 (5 мая – 12 мая). С. 8–10.

Тишков В. А. Этнология и политика. М.: Наука, 2001. 240 с.

Финноугория. Этнический комфорт. Сыктывкар, 2008а. Вып. 1. 120 с.

Финноугория. Этнический комфорт. Сыктывкар, 2008б. Вып. 2. 96 с.

Финноугория. Этнический комфорт. Сыктывкар, 2009. Вып. 3. 110 с.

Финно-угорские народы России: Стат. сб. Сыктывкар, 2005. 340 с.

Хабенская Е. О. «Родной язык» как этнический символ // Казанский федералист. 2004. № 1 (9). С. 20–34.

Цытанов Е. А. К 10-летию I Всемирного конгресса финно-угорских народов // Финно-угроведение. 2002. № 2. С. 43–54.

Материал поступил в редколлегию 10.01.2013

E. A. Pivneva

**SUPPORT AND DEVELOPMENT OF FINNO-UGRIC LANGUAGES
IN THE CONTEXT OF MODERN ETHNOCULTURAL SITUATION**

The article reflects some results of the project «National minorities in Russia: languages, culture, media and civil society development», implemented in 2010–2011 by the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (IEA RAS) staff together with Limited Liability Company «Ethnoconsulting» under the guidance of V. A. Tishkov. It is based both on regional experts of IEA RAS ethnological monitoring Network reports, information of the electronic media and authors field research materials conducted in different years in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra. The article covered work experience, accumulated in the regions of the Russian Federation in supporting and promotion of linguistic and cultural heritage of Finno-Ugric peoples. Studies found, that the main focus of the regional ethno-linguistic policy is to improve ethnic competence and ethnic self-consciousness of the young generation. In connection with the thesis about the special significance of language in the approval of the ethno-cultural identity here is discussed the actual scientific problem of relationship between language/culture and ethnic identity making conclusion about complex and ambiguous nature of their interaction.

Keywords: non-material cultural heritage, language, culture, ethnic identity, ethno-cultural situation, urbanization, the Finno-Ugric public movement, language policy, youth, education.